

Алиев Р.Д.

УДК 327.82 (09) "15"

**ПОСОЛЬСТВО Н.В. БЕКЛЕМИШЕВА К МЕНГЛИ ГИРАЮ I.
РУССКО-КРЫМСКИЙ ДОГОВОР 1474 ГОДА**

Как показывает историография истории внешней политики Крымского ханства, большинство исследований, касающихся вопроса русско-крымских международных отношений, изобилуют описанием политических противоречий между Крымом и Москвой. История же сравнительно мирных периодов сосуществования Крымского ханства с соседними государствами исследована в гораздо меньшей степени, и требует более тщательного разностороннего изучения.

История политических взаимоотношений между Крымским ханством и Московским великим княжеством (позднее Российской империей) представляет собой череду сложных событий, которые, так или иначе, влияли как на ход развития самих этих государств и их соседей, так и на проживавшие в них народы. Самые ранние из известных документов о политических отношениях Крыма с Москвой относятся к 1474 году, с посольства в Крым боярина Беклемишева Никиты Васильевича (А.З. Соысал ошибочно называет его «Biblenişev» [20, с.11]), и с подписанием Менгли Гираем I и Иваном III первого русско-крымского договора. Начало этих отношений относится ко времени «формирования национальной государственности России и Крымского ханства» [12, с.164], и именно совместные союзнические действия последующих лет помогли обоим государствам в укреплении их международных политических позиций.

Несмотря на то, что большая часть исследователей рассматривает начало официальных отношений Крыма с Москвой с 1474 года, есть и другие соображения историков по этому поводу. Так, например, по замечаниям Хорошкевич А.Л., Колянковский Л. начало русско-крымских политических отношений предполагает с 1465 года, со времени нападения войск Хаджи Гирая на войска хана Большой Орды (Заволжской Орды) Ахмата, двигавшегося на Русь, видя в причинах этой союзнической поддержки промосковскую позицию Ширинских беев [17, с.43]. Учитывая этот факт, можно полагать, что именно деятельность Ширинских беев способствовала последующему положительному развитию русско-крымских отношений, в итоге приведших к заключению союзнического договора 1474 года. А факт последующего отправления в качестве послов из Крыма в Москву преимущественно беев именно этого рода, подтверждает данную мысль.

В конце XIX века Лашковым Ф., характеризующим в целом русско-крымские связи, был сделан вывод, что «отношения между Крымским ханством и Московским государством не могли быть мирными; между ними происходила борьба за существование и потому естественно отношения могли быть только враждебные» [8, с.VI]. Но невозможно всю историю политических русско-крымских отношений охарактеризовать как исключительно добрососедскую или «только враждебную». Период продолжительностью почти 30 лет, начиная с 1474 года и вплоть до начала XVI века, был одним из немногих мирных, союзнических и даже дружественных этапов взаимоотношений между Крымским ханством и великим княжеством Московским.

Ссылаясь на первые русско-крымские документы дипломатических связей, можно с уверенностью говорить о том, что инициатором начала этих связей являлось великое княжество Московское. Для международной политики Ивана III одним из важнейших являлся вопрос об объединении в единое политическое образование русских земель, территориально входивших в состав Польско-Литовского государства. «Свои притязания на всю Русь, не на одну Московию, Иван III выразил еще и тем, что в сношениях с Литвой стал титуловаться «государь всея Руси»» [18, с.30].

После взятия Константинополя турками, ряд европейских стран планировал привлечь на свою сторону против османов и великое княжество Московское [5, с.232]. Но московским дипломатам были выгодны мирные отношения с Османской империей, в первую очередь из-за развития черноморской торговли, в которой Крымское ханство также играло важную роль [11, с.338–403].

Установлению добрососедских и союзнических официальных отношений Крымского ханства с великим княжеством Московским предшествовала предприимчивость видных крымских и московских деятелей. «В начале 1470-х гг. (в частности до 1474 г. – Р.А.) в установлении сношений с Крымом участвовали не государственные «чиновники», но частные лица» [17, с.115] и приближенные крымских ханов, имевшие частично свой личный интерес в дружественных связях Крыма с Москвой. Среди последних в ранних памятниках русско-крымских дипломатических связей упоминаются ширинский бей Эминек, Абдулла (глава татарского рода Барын), беи Мамак и Довлетек, купец Ходжа Кокос [13, с.4; 15, с.211]. Так, глава одной из знатнейших татарских фамилий Ширин – бей Эминек, являясь ближайшим соратником Менгли Гирая I, участвовал в контактах московских князей с крымской знатью задолго до установления официальных межгосударственных связей.

Начало русско-крымских союзнических отношений связано с именем влиятельного купца из Каффы (где также частично проживало русское купеческое население) и еврея по происхождению Ходжи Кокоса, известного в русских источниках как Хозя-Кокос, и пользовавшегося непосредственной доверенностью, как генуэзского консула, так и крымского хана. Именно при посредстве Ходжи Кокоса великим князем Московским Иваном III была предложена Менгли Гираю I идея союзнической договоренности. Видя в этом перспективу своих интересов, а именно, обретение в лице Москвы союзника против Большой Орды, крымский хан отправил в Москву Юсуфа (в крымских посольских книгах – Исуп), шурина Ходжи Кокоса, с грамотой о дружественных намерениях. Ответом на нее явилась отправка в Крым московского толмача Иванчи с предложением непосредственного заключения клятвенных обязательств и союза. В свою очередь,

для более обстоятельного рассмотрения вопросов союзного договора, в 1473 году из Крыма от имени крымского хана был отправлен Хаджи-Баба (в русских источниках – Ази-Баба). Во время пребывания Хаджи-Бабы при дворе московского князя, были предварительно утверждены основные пункты [7, с.86; 9, с.184] последующего мирного союзнического договора между Менгли Гираем I и Иваном III. 31 марта 1474 года вместе с Хаджи-Бабой в Крым для заключения договора был отправлен послом боярин Беклемишев Никита Васильевич.

Беклемишев Н.В. был московским дьяком, сыном боярским, служившим при дворе великого князя Московского Ивана III. За всю историю его службы самым значимым и примечательным является его дипломатическое посольство 1474 года в Крым для заключения межгосударственного политического союза с крымским ханом Менгли Гираем I. Для подобного рода больших посольств выбирались и отправлялись преимущественно люди не только умные и грамотные, но и знатные происхождением. Беклемишев Н.В. был представителем дворянского рода, имевшего в корнях своей родовой фамилии тюркское происхождение [2, с.92], ведшего свою родословную с начала XV века от некоего Гавриила, который выехал из Новгорода Великого на службу к великому князю Московскому Василию I Дмитриевичу [14, с.110; 6, с.339].

О самом посольстве Беклемишева в Крым имеется чрезвычайно мало известной информации. Незначительные известия о задачах и результатах этого посольства, упомянутые в исторических трудах, сделаны непосредственно на основе официального документа (первого из последующих ему подобных, и составляющих в целом переписку Менгли Гирая I с Иваном III) 1474 года, в котором содержатся указы (поручения) самому Беклемишеву от Московского великого князя. Этот документ был опубликован в «Сборнике Русского исторического общества» в 1884 году [13, с.1-9]. Основными наказами московскому послу были следующие: получить ярлык с шертью (клятвой) от хана и ханских вельмож на «братство и союз против врагов; чтобы в ярлыке, если можно, не упоминалось обо обязательности уплаты царю (хану – Р.А.) определенных поминков (дани); ... говорить ордынским вельможам, расположенным к московскому великому князю, чтобы они оказали содействие посольству Беклемишева и обещание им за это поминков» [13, с.1].

Вместе с Беклемишевым в Крым было отправлено 3 списка (проекта) шерстной грамоты, иначе называемой «докончальным ярлыком». Все эти проекты, так или иначе, были направлены на одни и те же цели: на совместные союзнические действия против хана Большой Орды Ахмата и Польско-литовского короля Казимира IV. Будучи в это время еще союзником Казимира IV, Менгли Гирай I соглашался называть себя врагом большеордынского хана, но не польско-литовского правителя, разрыв мирных связей с которым наблюдается во внешней политике Крыма к 1480 году. Как видно из наказов московскому послу боярину Алексею Старкову, продолжившему в следующем 1475 году дипломатическую миссию, начатую Беклемишевым, итогом посольства 1474 года явился отказ Менгли Гирая I официально провозглашать себя врагом Казимира IV. Таким образом, русско-крымский союз на самом начальном этапе своего формирования фактически был направлен только против Большой Орды.

Во время посольства Беклемишев имел задание установить дружественные отношения с беями Эминком и Абдуллой, главами двух сильнейших крымских родов – Ширин и Барын [10, с.41]. В случае если крымская знать откажется поддержать хана в союзнической договоренности с Иваном III, Беклемишеву было поручено просить поддержки именно у беев Эминка и Абдуллы. Причем в наказе явно говорится о намерениях подкупить этих двух крымских беев под видом так называемых «поминков»: по сорок соболей каждому, а если мало будет то по восемьдесят [13, с.3].

Помимо первоочередных дипломатических задач посольства, Беклемишеву также было наказано нанести визит «Булгаку Петрову, консулу кафинскому» [13, с.8]. Вероятно, имелся ввиду Баттиста Дж. Оливеро, консул Кафы в 1474 году. Московскому послу поручено было «потребовать у генуэзского консула объяснения по поводу ограбления в Кафе русских купцов... и договориться о том, чтобы впредь подобные насилия не пресекали пути взаимной торговли» [16, с.152; 13, с.8-9].

Следует отметить, что русско-крымская дипломатическая переписка 1474 года, как памятник письменности, была едва ли не единственным официальным документом Крымского ханства с великим княжеством Московским, который по своему стилю, структуре и терминологии не просто основывался на золотоордынско-кипчакские канцелярские традиции, но и не претерпел какого-либо вмешательства и влияния османско-турецкого делопроизводства. А вернее, не успел претерпеть влияния, которое постепенно начало проявляться годом позже как в политической, так и в культурной жизни Крымского ханства.

В переводах русско-крымских шерстных (договорных) грамот, начиная с 1474 года, и вплоть до конца XVI века, часто встречается выражение – «быть другу другом, а недругу недругом». Так, например, в самом первом и самом раннем акте Крымских посольских книг, упоминающем посольство боярина Беклемишева Н.В. в Крым, данное выражение упоминается восемь раз [13, с.1-9]. Интересно замечание российского востоковеда Зайцева И.В. относительно вышеупомянутой фразы: «Этот пункт был неизменным в джучидских шертях и составлял их главное содержание» [3, с.146]. И это вполне объясняется тем фактом, что Крымское ханство унаследовало способ ведения делопроизводства и дипломатические традиции именно от золотоордынских канцелярий [4, с.126].

В историографии истории дипломатических отношений между Крымским ханством и великим княжеством Московским незыблемо утвердилось мнение, о том, что договор 1474 года уравнивал положение Менгли Гирая I и Ивана III. Это точка зрения основана на интерпретации таких выражений, содержащихся в проектах договорной грамоты, как – «...великий князь (Иван III – Р.А.) бьет челом царю

(Менгли Гираю – Р.А.) за то, что он пожаловал, назвал его в своем ярлыке братом и другом» [13, с.1], «...в братстве и в дружбе и в любви...» [13, с.1], «...язь Менгли Гирей царь со своим братом, с великим князем Иваном...» [13, с.4, 5]. К одной из многочисленных и однотипных интерпретаций данных выражений относится мнение Хорошкевич А.Л.: «Признание крымским ханом московского великого князя равным себе выражено термином «брат», который употребляли по отношению друг к другу и другие европейские государи. ... иерархическое положение Ивана III приравнивалось к статусу государя ... Крымского ханства» [17, с.129]. Но следует учитывать тот факт, что дипломатические отношения между Крымом и Москвой отличались от европейских делопроизводственных традиций. И если даже в европейской дипломатии термин «брат» и означал уравнивание иерархического положения между правителями, то в обращениях крымского хана к великому князю московскому он имел совсем иной смысл. Учитывая преемственность золотоордынского ведения делопроизводства канцелярией Крымского ханства, следует прибегнуть к рассмотрению употребления термина «брат» во внутригосударственной официальной переписке именно Золотой Орды. Закиров С., исследовавший золотоордынские дипломатические традиции, ссылаясь на переводы В.Г. Тизенгаузена, пишет: «Если тот, от кого исходило письмо, был старше чином, чем адресат, к нему обращались со всеми титулами, именуя «братом»; если он был ниже чином, то писали «господин» или «сударь» также со всеми титулами; если же оба были равны по своему положению, то ограничивались одними титулами» [4, с.125]. Следует учесть и тот факт, что сам Иван III в наказах Беклемишеву именуется Менгли Гирая царем, себя же просто великим князем [13, с.1-9]. Таким образом, данное обращение («брат»), а также сервизм [1, с.321] московского князя к крымскому хану, лишь подтверждали более высокий иерархический статус крымского правителя. Следовательно, ни о каком равенстве глав исследуемых государств не шло речи. Эта особенность дает возможность по новому взглянуть на некоторые аспекты истории внешней политики Крымского ханства, в частности в период правления Менгли Гирая I.

Подытоживая события 1474 года, отметим, что после прощальной аудиенции из Крыма вместе с Беклемишевым Н.В. в Москву был отправлен крымский посол Девлет Мурза [19, с.91; 20, с.11]. На аудиенции в Москве 16 ноября того же года Девлет Мурза говорил о решительной готовности Менгли Гирая «заключить вечный наступательный и оборонительный союз» [19, с.91]. Итогом посольства крымского посла явилось ответное прибытие вместе с ним ко двору Менгли Гирая I московского боярина Старкова А.И. в 1475 году.

Следует отметить, что для Крыма союзный договор 1474 года был надежной поддержкой в противостоянии внешнеполитическим амбициям Большой Орды. Для Москвы, помимо политических выгод, союз также имел экономическое и стратегическое значение: в этот период через территории Крымского ханства происходили торговые и политические контакты Московского княжества с европейскими государствами. Эта обоюдная выгода привела к последующей консолидации политических и экономических устремлений союзников, продлившейся почти три десятилетия.

Источники и литература:

1. Грушевський М. С. Історія України-Руси : в 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; редкол.: П. С. Сохань та ін. – К. : Наук. Думка, 1991. Т. 4. – 1993. – 544 с.
2. Древнетюркский словарь / авт.-сост.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин, Н. И. Летагина, Л. Ю. Тугушева. – Л. : Наука, 1969. – 678 с.
3. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV-XIX вв. : пути развития: рукописи, тексты и источники / И. В. Зайцев; Ин-т востоковедения РАН. – М. : Вост. лит., 2009. – 304 с. : ил.
4. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.) / С. Закиров. – М. : Наука, 1966. – 159 с.
5. История Дипломатии : сб. / сост. А. Лактионов. – М. : АСТ Москва, 2006. – 944 с.
6. История родов русского дворянства / сост. П. Н. Петров. – СПб. : Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886. – 400 с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского : т. VI / Н. М. Карамзин. – СПб., 1819. – 542 с.
8. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI-XVII вв./ Ф. Лашков. – Симферополь, 1891. – 206 с.
9. Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыму Татарскими царями, с 1462 – по 1533 гг. / А. Малиновский // ЗООИД. – 1863. – № 5. – С. 178-419.
10. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.) / А. М. Некрасов. – М. : Наука, 1990. – 128 с.
11. Прохоров Д. А. Крымское ханство в контексте черноморской торговли (XV-XVIII вв.) / Д. А. Прохоров // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 338-403.
12. Санин Г. А. Крым в геополитике и войнах России XV-XIX вв. / Г. А. Санин // Москва – Крым : историко-публицистический альманах. – 2000. – № 1. – С. 163-171.
13. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). – СПб., 1884. – Т. 41. – 598 с.
14. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия : в 2 т. / авт.-сост. В. В. Богуславский. – М. : Олма-Пресс, 2005.

- Т. 1 : А-М. – 2005. – 784 с.
15. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты : в 2-х т. / В. Д. Смирнов. – М. : Рубежи XXI, 2005. – Т. 1. – 2005. – 541 с.
16. Старокадомская М. К. Русское торговое население генуэзской Кафы / М. К. Старокадомская // История и археология средневекового Крыма. – М. : Академия наук СССР, 1958. – С. 147-154.
17. Хорошкевич А. Л. Русь и Крым : От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. / А. Л. Хорошкевич. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.
18. Шмурло Е. Ф. Курс Русской истории. Русь и Литва : т. II / Е. Ф. Шмурло. – СПб. : Алатай, 1999. – 442 с.
19. Щербатов М. История Российская от древнейших времен : т. IV, ч. II / М. Щербатов. – СПб., 1783. – 592 с.
20. Soysal A. Z. Mengli Giray Han Bin Hacı Giray Han / A. Z. Soysal // Emel. – 1961. – № 6. – S. 10-14.

Поляков В.Е.

УДК 63.3(2)622.5

ЭВОЛЮЦИЯ НАЗВАНИЙ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ КРЫМА В ПЕРИОД 1941 - 1944 ГОДОВ

Постановка проблемы. Происхождение названий партизанских отрядов, действовавших на территории Крымского полуострова в период 1941-44 годов, динамика их переименований может рассказать много неизвестного о партизанском движении.

Анализ исследований и публикаций. Тема эта до сих пор не рассматривалась ни историками, ни филологами и настоящая статья впервые рассматривает этот аспект партизанского движения.

Целью настоящей статьи является стремления посредством ономастики постараться узнать новое о партизанском движении в Крыму.

Изложение основного материала. 23 октября 1941 Крымский обком ВКП(б) принял решение о создании сети партизанских отрядов на территории полуострова [1, с.1].

За основу была положена следующая схема: вся горно-лесная часть делится на пять районов, а уже в район входят несколько партизанских отрядов.

Так появился совершенно нетипичный для всей истории партизанского движения в СССР термин «Командир партизанского района» [1, с.3].

Название представляется совершенно несуразным и не воспринимается военными, которые в своих донесениях стали именовать районы бригадами, на недопустимость чего сразу же указывает Мокроусов. [2, с.20].

В связи с тем, что партизанские отряды создавались абсолютно всеми районными комитетами ВКП (б), то совершенно стихийно за ними закрепились названия административных районов формирования: Бахчисарайский отряд, Зуйский отряд, Карасубазарский отряд и т.д. Как известно, стихийное название - самое точное. Следует вспомнить, что история русской профессиональной армии начиналась с подобных названий. Преображенский и Михайловский полки Петра Первого получили свои названия от подмосковных сёл Преображенское и Михайловское, откуда в них набирались рекруты. В дальнейшем принцип трансонимизации - перенос в название полка, названия населённого пункта, где он формировался, стал главенствующим. Мы помним, что и в Бородинском сражении, и в Альминском, и в обороне Севастополя и под Мукденом фигурируют полки, несущие в своих названиях память о тех или иных городах Российской империи.

По замыслу организаторов партизанского движения в Крыму число отрядов должно было соответствовать числу райкомов ВКП (б) – двадцать девять, но оказалось, что к началу оккупации на 1.11.41 года в лес прибыло только двадцать четыре отряда. Красноперекосский, Лариндорфский, Фрайдоровский, Куйбышевский по разным причинам сформирования не были. Уже 02.11.41 прекратили существование Тельмановский и Сакский партизанские отряды [4, с.1]. 15.11.41 были сформированы два новых, из числа оказавшихся в лесу красноармейцев. Примечательны их названия: 1-й Красноармейский, 2-й Красноармейский.

Суровые партизанские реалии вскоре привели к тому, что в результате боевых потерь, дезертирства, голодной смерти к 10.07.1942 года прекратили своё существование: Ак-Мечетский, Ак-Шейхский, Балаклавский, Кировский, Колайский, Севастопольский, Сейтлерский, Старокрымский, 3-й Симферопольский, Ялтинский партизанские отряды [3, с.95].

Старокрымский отряд вливают в Кировский, 3-й Симферопольский объединяют с Алуштинским [5, с.47].

В лесах Крыма продолжали сражаться: Алуштинский, Бахчисарайский, Биюк-Онларский, Джанкойский, Евпаторийский, Зуйский, Ичкино-колайский, Карасубазарский, Судакский, Феодосийский, 1-й и 2-й Симферопольские, 1-й и 2-й Красноармейские отряды.

С января 1942 по инициативе Мокроусова, каждый отряд вместо прежнего имени собственного получает номер. Зуйский отряд стал отряд № 13, Биюк-Онларский – отряд № 21 и т.д. Официально такое нововведение объяснялось интересами секретности, но в действительности всё было значительно сложнее шла обезличка отрядов [3, с.33].